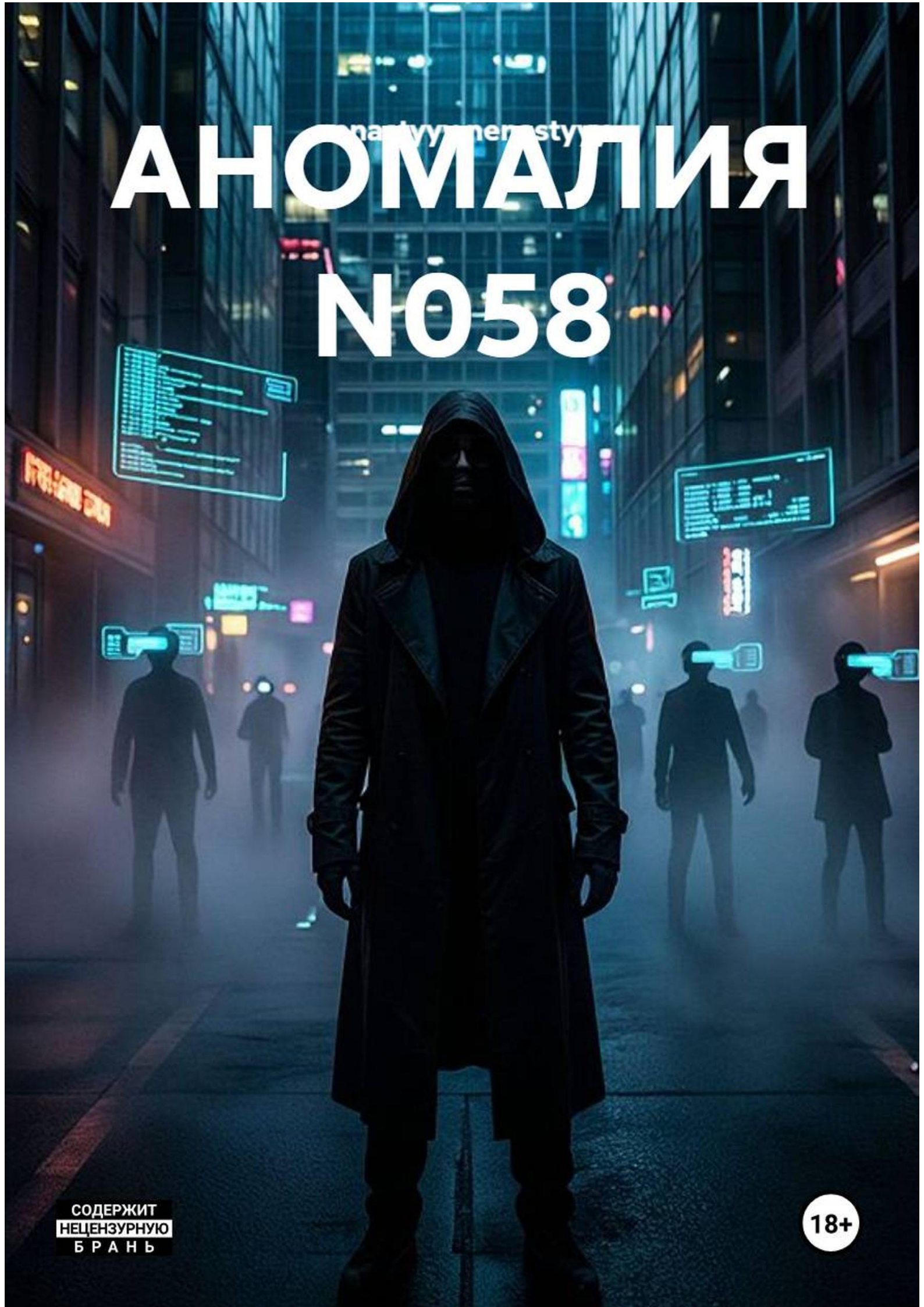

АНОМАЛИЯ
№058
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

nenastyyy nenastyyy

АНОМАЛИЯ N058

«Автор»
2026

nenastyyy n.

АНОМАЛИЯ N058 / n. nenastyyy — «Автор», 2026

Самое опасное в человеке - не то, на что он способен. Самое опасное - то, что он способен убедить себя в необходимости этого.

© nenastyyy n., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Люди, которых ещё не существует 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

nenastyyy nenastyyy
АНОМАЛИЯ N058

Глава 1. Люди, которых ещё не существует

2049 год. Нова-Сити.

Дождь в Нова-Сити никогда не был по-настоящему чистым. Он собирал на себя пыль с высотных магистралей, металлическую взвесь с заводских куполов и невидимые глазу частицы рекламных голограмм, которые круглосуточно мерцали над городом. Он стекал по стеклянным фасадам небоскрёбов, превращая миллионы огней в длинные разноцветные полосы, и смывал с улиц всё, кроме человеческих пороков. Впрочем, последние давно перестали считаться проблемой. По крайней мере, официально.

В 2031 году человечество впервые позволило искусственному интеллекту принимать решения, которые прежде считались исключительно человеческими. Тогда это называли временной мерой. Мир переживал затяжной кризис: города тонули в преступности, правительства теряли контроль, а традиционная психиатрия и правоохранительная система больше не справлялись с последствиями человеческой непредсказуемости. Слишком много преступлений совершалось без очевидных мотивов. Слишком много людей годами казались совершенно нормальными, прежде чем однажды переступали черту, за которой уже не существовало возможности вернуть всё назад.

Общество устало от последствий. Оно захотело гарантий.

Так появился «Баккусан».

Сначала он был лишь аналитической системой, способной обрабатывать нейрофизиологические показатели, поведенческие паттерны, историю стрессовых реакций и результаты психологических обследований. Он не читал мысли и не предсказывал будущее в буквальном смысле. Он вычислял вероятности — сопоставлял миллиарды наблюдений, выявлял закономерности и определял, какие сочетания факторов могли привести человека к опасному поведению. Его первые прогнозы оказались достаточно точными, чтобы напугать учёных. И достаточно полезными, чтобы политики захотели большего. Через пять лет «Баккусан» уже рекомендовал меры психологической коррекции. Через семь — определял профессиональную пригодность граждан. Через десять его заключения стали обязательными для судебных органов. А ещё спустя несколько лет никто уже не мог вспомнить, в какой момент рекомендации превратились в приказы. К середине столетия человечество практически добровольно отказалось от права самостоятельно определять, кому можно доверять. Именно тогда мир наконец стал безопаснее. По крайней мере, так утверждала статистика.

У каждого гражданина Нова-Сити был Психопаспорт — цифровая карта его психологического состояния, которая обновлялась в режиме реального времени. Биометрические датчики в общественном транспорте, нейросканеры на рабочих местах, медицинские терминалы и персональные устройства собирали данные, необходимые для построения индивидуального профиля. Система оценивала уровень стресса, эмоциональную стабильность, способность контролировать импульсы и множество других параметров, названия которых большинство людей даже не пыталось запомнить. Важным считалось только одно число.

Коэффициент риска.

Низкий показатель означал, что человек сохраняет устойчивость и может самостоятельно принимать решения. Повышенный — что его состояние требует внимания. Критический — что он потенциально способен причинить серьёзный вред себе или окружающим и нуждается в немедленной оценке специалистами. Разумеется, высокий коэффициент не означал, что чело-

век совершит преступление. «Баккусан» не выносил приговоров за поступки, которых ещё не было. По крайней мере, именно так говорилось в официальных документах.

Однако в обществе, где страх перед насилием стал сильнее страха перед несправедливостью, различие между вероятностью и виной постепенно утратило значение. Люди с повышенными показателями теряли работу ещё до собеседования. Подросткам с нестабильными профилями ограничивали доступ к определённым образовательным программам. Граждане, чьи коэффициенты резко менялись после личных трагедий, получали обязательные приглашения на коррекционные сеансы. Отказ считался признаком недостаточной готовности сотрудничать с системой. А недостаточная готовность сотрудничать могла стать дополнительным фактором риска.

«Баккусан» не запрещал людям чувствовать злость. Он рекомендовал им не принимать решений, находясь под её влиянием. Не запрещал испытывать зависть. Он предлагал программы коррекции. Не запрещал ненавидеть. Он просто хотел знать, насколько далеко человек готов зайти, прежде чем ненависть перестанет быть чувством и станет действием. Большинство граждан не возражало.

В конце концов, если ты не собираешься совершать ничего плохого, чего тебе бояться?

Этот вопрос стал своеобразным девизом нового мира. И почти никто не замечал, насколько много в нём было сказано о страхе.

Мира Фрау ненавидела этот вопрос. Не потому, что считала систему абсолютным злом. Подобные убеждения казались ей слишком удобными, чтобы быть правдой. Она видела, как «Баккусан» помогал находить людей, нуждавшихся в лечении, предотвращал опасные срывы и возвращал к нормальной жизни тех, от кого прежде предпочитали просто отмахнуться. Она знала статистику. Знала, сколько жизней было спасено благодаря своевременным вмешательствам. Знала, как выглядели города до появления системы.Мира не была наивной. Именно поэтому она не доверяла простым ответам. В двадцать семь лет она занимала должность специалиста по поведенческому анализу в Центральном управлении психологической безопасности. Её работа заключалась в расследовании случаев, когда поведение человека не соответствовало прогнозам «Баккусана». Иногда система ошибалась. Иногда ошибались люди, которые интерпретировали её данные. А иногда происходило нечто гораздо более неприятное: прогноз оказывался правильным, но причины, по которым человек совершал тот или иной поступок, не имели ничего общего с теми, которые предполагал алгоритм. Мира считала именно такие случаи самыми интересными. И самыми опасными. Она умела замечать противоречия. В документах, разговорах, чужих интонациях. Могла часами изучать незначительную деталь, пока та не складывалась в часть общей картины. Она редко принимала объяснение только потому, что оно звучало убедительно, и ещё реже соглашалась с чужим мнением исключительно ради спокойствия. На работе это считалось преимуществом. В личной жизни — не всегда.

Мира не любила, когда ей указывали, что делать. Не переносила снисходительности, особенно замаскированной под заботу, и обладала неприятной способностью запоминать слова, которые другие люди произносили в состоянии раздражения, а затем делали вид, будто ничего не произошло. Она не считала себя злопамятной. Ей просто было трудно забывать то, что однажды изменило её отношение к человеку. Справедливости ради, она умела прощать. Иногда даже быстрее, чем следовало. Мира могла понять чужую слабость, принять объяснение, признать, что человек оказался в обстоятельствах, которых не выбирал. Она не верила в абсолютное разделение людей на хороших и плохих. Но понимание не означало оправдания. А прощение не означало восстановления доверия. Эти различия казались ей очевидными, пока дело не касалось её самой. Существовали вещи, которые она могла спокойно обсуждать, анализировать и даже высмеивать, если речь шла о других людях. Но стоило кому-нибудь задеть её собственное достоинство, как привычная ясность мышления начинала давать сбои. В такие моменты ей хотелось не просто защитить себя.

Ей хотелось восстановить равновесие.

Чтобы другой человек понял, что именно сделал. Чтобы почувствовал последствия. Чтобы однажды, возможно спустя месяцы, вспомнил о случившемся и осознал, что недооценил её. Мира никогда не называла это местью. Она предпочитала слово «последствия». Разница между ними, по её мнению, заключалась в намерении. И, возможно, именно здесь она чаще всего обманывала саму себя. Впрочем, Мира не была жестокой. Она не искала чужих слабостей ради удовольствия и не испытывала потребности причинять боль тем, кто не представлял для неё угрозы. Напротив, чужая уязвимость нередко вызывала в ней неожиданное сочувствие. Она могла защитить незнакомца, если считала происходящее несправедливым. Могла отказаться от выгодного решения, если цена казалась ей чрезмерной. Могла признать чужую правоту, даже когда это было неприятно. Но она также умела находить исключения. Особенно для себя. Мира считала, что мораль без учёта обстоятельств превращается в механическое следование правилам. Что иногда приходится выбирать меньшее из двух зол. Что человек, который никогда не нарушает принципов, возможно, просто ни разу не сталкивался с ситуацией, в которой эти принципы становятся невыносимо дорогими. Она не считала себя выше других. Она просто не любила, когда кто-то пытался принимать решения за неё. И в этом заключалась проблема, которую «Баккусан» однажды назвал бы стремлением к повышенной автономии.

Сама Мира называла это *свободой*.

В семь сорок утра её персональный терминал сообщил, что ночной мониторинг завершён. Мира открыла уведомление, ещё не успев допить кофе.

ПСИХОПАСПОРТ: АКТИВЕН.Эмоциональная стабильность: в пределах индивидуальной нормы.**Уровень стресса:** умеренный.**Признаков критической дестабилизации:** не обнаружено.**Рекомендация системы:** стандартный режим активности.

Она закрыла окно.

— Какое облегчение, — пробормотала она.

В квартире было тихо. За панорамным стеклом медленно просыпался город: беспилотные автомобили скользили по многоуровневым дорогам, рекламные проекции меняли цвет в зависимости от плотности пешеходного потока, а над центральной площадью парил огромный символ «Баккусана» — серебристый круг, пересечённый тонкой вертикальной линией. Символ напоминал глаз. Когда-то Мира читала, что создатели системы выбрали его совершенно случайно. Она никогда не верила в случайности, которые так хорошо подходили своему назначению. В детстве ей казалось, что взрослые знают, что делают. Позже она обнаружила, что взрослые просто лучше скрывают собственную неуверенность.

С «Баккусаном» всё было ещё сложнее. Система не сомневалась. Не уставала. Не испытывала страха и не пыталась оправдаться перед самой собой после принятого решения. Но она зависела от данных, которые получала, а данные собирали люди. Люди ошибались, скрывали правду, подменяли факты собственными интерпретациями. Они могли не понимать себя, не говоря уже о том, чтобы правильно объяснить свои мотивы машине. И всё же именно этим людям система доверяла будущее человечества.

Мира допила кофе и поднялась. Сегодня её ждало очередное дело из категории статистических отклонений. Ничего особенного: гражданин с безупречным Психопаспортом совершил поступок, который не укладывался в прогноз. Такие случаи возникали регулярно, и большинство из них имело вполне объяснимые причины: ошибочная интерпретация данных, неучтённый стрессовый фактор, сбой оборудования. Иногда — сознательное сокрытие информации. Мира привыкла начинать с самого простого объяснения. Именно поэтому она не испытывала тревоги, когда двери лифта закрылись за её спиной, а персональный терминал коротко вибрировал, сообщая о новом служебном уведомлении. Она открыла его уже на подземном уровне, по дороге к служебному транспорту. Первые строки были стандартными: номер дела, время обнаружения, место происшествия, имя погибшего. Мира пробежала текст глазами, остано-

вилась на одной строчке и нахмурилась. Погибший был специалистом по психологической коррекции. За последние три года он не получал ни одного предупреждения от системы. Его Психопаспорт считался образцовым. Коллеги характеризовали его как уравновешенного, доброжелательного и предсказуемого человека. Смерть не выглядела несчастным случаем. Однако кое-что в отчёте было ещё страннее. За сорок семь минут до смерти мужчина прошёл плановое сканирование. Его коэффициент риска составлял двенадцать.

Мира перечитала строку.

Затем ещё раз.

Двенадцать.

Показатель, который система считала практически идеальным. Она открыла подробный файл, ожидая увидеть обычное объяснение: технический сбой, неполные данные или внезапное событие, не оставившее времени для реакции. Вместо этого экран погас. На секунду отражение её лица оказалось единственным, что было видно в чёрном стекле терминала. Затем появилось новое сообщение.

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

Причина: вмешательство центрального протокола.

Мира замерла. Подобные ограничения не применялись к специалистам её уровня без официального распоряжения. А распоряжения такого рода сопровождались документами, регистрационными номерами и объяснениями, которые можно было обжаловать. Здесь не было ничего. Только короткая строка, появившаяся поверх интерфейса:

Не продолжайте анализ данного дела.

Она медленно выдохнула. Вокруг двигались люди. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то проверял маршрут, кто-то смеялся, глядя на экран своего устройства. Над турникетами мерцали показатели городской безопасности. Ничего не изменилось. Мир продолжал работать так, словно в нём не происходило ничего необычного. Мира посмотрела на сообщение ещё раз. Потом нажала кнопку повторного запроса. Система ответила мгновенно.

Запрос отклонён.

Она усмехнулась. Это была плохая привычка — улыбаться именно тогда, когда следовало бы остановиться и подумать. Но Мира никогда не любила, когда ей указывали, что делать. Особенно без объяснений. Она закрыла терминал и направилась к выходу. За стеклянными дверями Нова-Сити сиял под холодным утренним небом. Тысячи камер следили за движением людей, нейросканеры проверяли показатели прохожих, а городской голос мягко сообщал о благоприятной динамике психологического здоровья населения. Мира знала, что где-то в центральном вычислительном комплексе «Баккусан» уже зарегистрировал её попытку повторного доступа.

Возможно, система отметила кратковременное повышение пульса.

Возможно, классифицировала её реакцию как раздражение.

Возможно, вообще не придала этому значения.

Она не знала. И именно это раздражало сильнее всего. Мира Фрау привыкла считать, что у любой загадки есть решение. Что за каждым поступком стоит мотив, за каждым мотивом — причина, а за каждой причиной — обстоятельство, которое можно обнаружить, если достаточно долго искать. Она верила в человеческую сложность. Но всё ещё надеялась, что сложность можно объяснить. В тот момент она ещё не знала, что через несколько дней её собственный Психопаспорт исчезнет из центрального реестра. Что система, которая годами наблюдала за каждым её эмоциональным колебанием, однажды откажется признавать сам факт её существования. И что в закрытом архиве «Баккусана» уже хранился файл, к которому не имел доступа ни один человек в Нова-Сити.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.